
Александра Медведкина
Совесть моего класса
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александра Медведкина

Совесть моего класса

«Автор»
2026

Медведкина А. В.

Совесть моего класса / А. В. Медведкина — «Автор», 2026

В альтернативной России конца 90-х старшеклассники стоят перед выбором: сделать прививку «совестью» и стать «мирными», безопасными для общества — или сохранить свободу воли, рискуя ошибиться.Женя Шпагина, новенькая в 11-м «А», получила первый компонент в детстве и теперь чувствует чужую боль острее всех. Её друг Саша Лапин боится вакцинации, потому что помнит о давнем поступке, который не даёт ему покоя. Миша Корнев, платонически влюблённый в учительницу-нонконформистку, пытается понять: можно ли быть хорошим по принуждению? Это история о дружбе, первой любви и утрате — о том, какую цену мы платим за право оставаться собой.

© Медведкина А. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Александра Медведкина
Совесть моего класса

Глава 1

Антиутопия, альтернативная история, YA, старшая школа, 18 +

1. Родинка

Стенгазета была приклеена скотчем прямо к каменному фасаду школы. Фотографии, списки кружков и спортивных секций, и в центре — плакат: краснощекий черноглазый пацан в белоснежной рубашке, нарисованный размашистыми штрихами: лихие дуги бровей, темные вихры раздувает ветер, — упер негодующий палец в толпящихся у школьного крыльца старшеклассников: «А ТЫ УЖЕ ПОДУМАЛ О ПРИВИВКЕ?»

Женя поставила ногу на третью ступеньку, но, взглянув в краснощекое лицо, чуть было не повернула обратно. За Женей шел дед, он боднул ее в спину склоненной головой — не сильно, но ощутимо.

— Ну, что встала? — пробубнил он сквозь усы. — Мы ж так опоздаем. Нам надо в медкабинет подойти.

Женя нахмурилась, отступила, пропуская деда вперед. Но он тоже остановился, оперся на трость. Хлопали двери, младшеклассники выскакивали на крыльцо, держась за лямки ранцев, как за парашютные стропы; навстречу им взбегали по ступенькам длинноногие старшеклассницы, вскидывая обтянутые капроном коленки.

— Извините! — требовательно бросали они деду, но он не сторонился, не прижимался к перилам, стоял рядом с Женей и строго рассматривал стенгазету.

— Выпускной класс, — пропыхтел дед. — Чего ты хотела?

— Ничем не лучше москвичей… Весь год это будут обсасывать! — Женя поправила рюкзак. Тот висел неудобно, из-за него топорщился широкий, не по размеру, пиджак. — Надо было уходить после девятого!

— Ты же хочешь быть ветеринаром, — дед отер ладонью усы и посмотрел на Женю. — Если не передумала…

Она дернула плечом:

— Мечтать не вредно!

По ступенькам мимо Жени поднялись две старшеклассницы. Одна — в струящемся платье ниже колен, вторая в белой блузке и кожаной юбке. Волосы первой лежали темным полотном на плечах, блестящие, как в рекламе шампуня. Вторая была коротко острижена, рыжеватая, полная; юбка сидела на ней как влитая. От обеих шли волны взрослого парфюма.

Женя проводила их взглядом и что-то похожее на страх лизнуло ее затылок. Пожалуй, глупо было считать 1-е сентября формальностью и одеваться как попало. Она была чужой в этой школе, заскочила доучиться последний год и не рассчитывала в первый же день обзавестись друзьями. Но сейчас среди девочек в платьях она была вроде бродяги, что путешествует на товарняках: линялые джинсы, зеленая водолазка под вельветовым пиджачком, брезентовый рюкзак. Прическа — короткая толстенькая челка и лохматый, кудрявый хвост. Почему она не подумала о наряде раньше?

Ее дед все еще хмуро скользил взглядом по фасаду крыльца. Слева от плаката с изображением мальчишки висел детский рисунок гуашью, на нем были изображены две колбы с греческими буквами на пузатых боках. Надпись под колбами напоминала: «Альфа не ждет, бета следом идет!»

— Пускай болтают, господи! — фыркнула Женя. — «Бета» мне не грозит. У меня медотвод…

В два длинных шага Женя одолела лестницу, распахнула двери и влетела в фойе, столкнувшись с щупленьким первоклассником и его мамой.

— Извините!

В фойе было сумеречно, по стенам висело еще несколько плакатов, в остальном декор состоял из гроздей фиолетовых и белых воздушных шаров, флажками были украшены зеркала на массивных колоннах, в воздухе пахло духами и свежей масляной краской.

У банкеток, лепившихся к окнам, учительница в черном трико давала последние указания танцорам, которые должны были выступать на линейке. Мамочки обливали спреем «пучки» на макушках дочерей. Двое мальчишек скатились по лестнице, волоча за собой гирлянду разноцветных букв.

До начала линейки оставалось около двадцати минут.

— Чертова лестница, — высказался дед, цепляясь за перила. — Чертовы гадские ступени!

То, что Женя пришла без родителей, запоздало кольнуло ее. Но с родителями она бывала в школе разве что в первом классе; это было так давно, что боль отступила быстро, будто обознавшись. Женя согнула локоть, чтобы дед мог взять ее под руку.

— На третий, вроде, Женечка.

Женя прикинула, сколько они будут добираться до третьего этажа, но дед так крепко прижимал к животу портфель с документами, что она не решилась сказать, что сбегает сама.

На широкой площадке первого лестничного марша они остановились: дед попросил о передышке. Женя огляделась; все здесь было, как она помнила. Почти. Как и десять лет назад, все еще шагали по стенам нарисованные первоклашки, размахивая портфелями; Женя узнавала их геометрические силуэты, плоские лица. Но цвета теперь были другие: художник осовременил рисунок, одев бывших пионеров в джинсы и летние платья. На заднем фоне осталась нетронутой учительница, похожая на инопланетянку; в руках она по-прежнему держала стойку для лабораторной посуды, только теперь жидкость в колбах была выкрашена в сверкающий белый, условный цвет «совести».

Если Женя правильно помнила, медкабинет был совсем рядом.

— Дедуль! Нам, вроде, сюда!

Воспоминания возвращались вместе с ознобом. Оказаться в этой школе было все равно что открыть коробку с фотоальбомами, которые листать почти невыносимо: кто-то из запечатленных на фото давно умер, кто-то пропал без вести.

— А точно не на третий?

Дедушка все перепутал! Здесь, в автозаводской СШ 24, вы поднимались по широкой парадной лестнице на один марш, и прямо перед вами открывался маленький дополнительный этаж, белое фойе. В конце его темнела высоченная дверь в актовый зал. После линейки сюда придут первые, пятые и одиннадцатые классы — на праздничный концерт. Первая дверь по правую руку вела в кабинет директора. На следующей, ближайшей к актовому залу, блестела зеркальная табличка: МЕДКАБИНЕТ.

— Давай, — велел дед, — постучи-ка!

Женя была в медкабинете только однажды, но хорошо запомнила визит. Как было дело: Витя Маркин ударил Вику Равданович пеналом по носу, хотя метил в Женю. У Вики пошла кровь, а Женя при виде этой маленькой катастрофы стала задыхаться. Вика плакала, запрокинув голову, кровь текла на белый кружевной воротник, а Женя скребла ногтями по горлу, чувствуя, как чешется и опухает гортань. Витя отправился на беседу с директором, а обе девочки оказались в медкабинете. Вике пришлось сидеть с турундами в носу, а Жене медсестра дала супрастин и позвонила на работу ее маме.

На Женин стук никто не отозвался, и дед дохромал до медкабинета, сам подергал ручку двери.

— Заперто, холера! — он удивленно оглядывался на Женю. — Она же мне по телефону сказала: подойти без десяти десять! Мы должны ей папку твою отдать, карту, — он шлепнул ладонью по старому портфелю, который носил на длинном ремне, перекинутом через грудь, по-почтальонски, — ну, что это за бардак? Шар-ра-а-ашкина контора…

Женя вздохнула и привалилась спиной к стене у кабинета. Белые стены, плотные шторы, рвущиеся из кадок «щучьи хвосты» — все дрожало перед глазами. Фойе здорово напоминало больничный холл: так же тихо, такой же мертвенный свет.

— Первое сентября же, — Женя отёрла тыльной стороной ладони взмокший лоб. — Может, она забыла? Вообще странно ждать, что медсестра появится в школе в первую учебную неделю.

Дед ругался. Он был круглоспинный, усатый, голубоглазый. Похож на толстого белого кота, старого, но проворного. Дед привез Женю обратно в Автозаводск месяц назад. Было решено вернуться после того, как московская Женина одноклассница попрыгала на ее плеере и заставила подружек плевать в Женин рюкзак. Это был конец долгой, неприятной истории учебы в столичной школе. Правда, было и еще кое-что, что много лет влекло деда в Автозаводск. Его мучительная тяга, его романтическая тоска, его тайное хобби. Об этой стороне вопроса Жене было смешно и как-то странно думать. Официальная версия возвращения в Автозаводск была такая: это город маленький, здесь спокойно, тут много лет сдается старая дедова квартира. Непривитые дети не ведут себя здесь так дико, как бывает в больших городах. Женя знала, утверждение это сомнительное — но был только один способ проверить.

— Айда обратно, — дед развернулся к лестнице. — Директор же ваш будет на линейке, я его поймаю, узнаем про медсестру.

Женя уже хотела взять его под руку, но тут высоченные двери актового зала распахнулись, выпустив в белое фойе двух старшеклассников. Один был кудрявый, черноглазый, в джинсах и футболке с черепом крысы; его настороженный взгляд задержался было на Жене, но почти сразу пацан оглянулся на приятеля. Тот был одет по форме: в школьные брюки со стрелками и романтично парусящую белоснежную рубашку.

Женя застыла. Этот, в рубашке, был ей знаком. Это был, страшно сказать, Саша Лапин! Женя не видела его сто лет, но сразу узнала: такие же, как в детстве, рассыпающиеся светлые лохмы, закрывающие уши, улыбка, уничтожающая все беды мира, а главное — коричневая родинка над верхней губой, вот как если бы он ел шоколадный кекс, и крошка прилипла — такая у него была родинка. Пацаны шагали к лестнице, серые Сашины глаза тоже зацепились за Женю, но мельком, как бы отмечая появление в фойе новой мебели.

Сердце Жени споткнулось, электричество пробило вниз по гортани и ударило в живот. Она ждала: сейчас он оглянется, не может не оглянуться, и тогда надо сразу перехватить его взгляд, открыть рот и сказать: «Привет!»

Они с Лапиным познакомились давным-давно. Была глубокая зима, чуть больше недели оставалось до Нового года. Снега навалило так, что засыпало горку-ракету в соседнем дворе. Засыпало школьный забор, так что школьники его просто перешагивали.

На тот момент три года как отгремели Детские войны. Женя помнила репортажи из школ, детских садов. Взрослые не понимали, почему по всему миру разразилась эпидемия детской агрессии. Детсадовцы и старшеклассники нападали друг на друга, мучили животных, портили школьное имущество и угрожали учителям. В начале 90-х Детские войны сошли на нет так же внезапно, как начались. Как раз в это время был разработан первый вариант вакцины, усиливающей эмпатию человека. Торговое название было Эмпавак, а в народе все звали прививку просто: «совесть». Информационные плакаты висели в каждой детской поликлинике. Увидев такой как-то раз, — это был популярный «Привитый = значит безопасный» с изображением

веснушчатого мальчишки, сидящего на ступеньках крыльца с котенком на коленях, — Женя сказала родителям, что хочет сделать прививку.

На приеме у педиатра она призналась, что из-за нее погиб ее собственный котенок; иногда ей хочется ударить маму; она, случается, нарочно ломает игрушки. Тогда этого оказалось достаточно, чтобы педиатр дала направление на вакцинацию и родители отвезли Женю на Гору… Потом уже были Витя, плачущая Вика, школьный медкабинет, душная щекотка в горле.

В тот день, когда мама забрала Женю из медкабинета, та чувствовала себя вполне прилично. Но, пока хищники и травоядные из «Зова джунглей» боролись за кости и бананы, она думала о Вике и, чем больше она думала, тем сильнее чесалось в горле, пощипывало раковины ушей. Скоро в грудной клетке заскребло и напал щекотный, невыносимый кашель. Женя скрывала его так долго, как только могла, потом, наконец, пришла к матери на кухню и толсто пролепетала:

— Мама, мне как-то нехолошо.

И засмеялась — слова звучали очень забавно, потому что язык распухал во рту. Дед посветил в ее горло карманным фонариком и сказал, что горло красное, похоже на ангину. Отец был на дежурстве, так что дед остался с Женей, а мама накинула пуховик, сапоги на голую ногу и побежала к магазину через две дороги, где стоял красный ржавый таксофон, по которому можно было вызвать скорую.

За окном падала температура, а Женина температура стала расти. Она встревоженно ощупывала горло, через которое уже не проходили таблетки супрастина.

Наконец, она задремала у телевизора, а проснулась уже, когда мама натягивала на нее колготки. Скорая приехала после полуночи, и мать ругалась:

— Вы бы еще попозже приехали, у меня ребенок задыхается!

А фельдшер подтянула из кармана толстенную пачку бланков, встряхнула:

— А знаете, сколько у нас сегодня вызовов? Телевизор не смотрите? Уже пятнадцать человек с гиперреакцией. Вчера двоих упустили с анафилаксией.

Женину маму в машину не взяли.

Вместе с незнакомцами, укутанными в зимнюю медицинскую форму, Женя ехала через пустой город; машин было мало, снег шел так плотно, что свет фонарей и светофоров был виден как сквозь белый дым.

Фельдшер выспрашивала, что Женя ела, пьет ли она какие-нибудь лекарства. Не случилось ли чего в школе, может, с кем-то поссорилась? Услышав про супрастин и разбитый нос Вики, фельдшер снова открыла тонкую карточку.

— Нельзя прививать таких маленьких, — строго сказала она. — Для детей эта прививка не подходит.

Женя впервые об этом слышала.

— Из-за меня кот умер, — сказала она, не зная, поймет ли ее фельдшер, Женин язык уже не помещался во рту. — Плывытый значит безопасный.

— А все же нельзя, — фельдшер устало потерла глаза, потом потянула вверх рукав куртки, обнажив запястье. В неверных отсветах уличных фонарей блеснул серебристый браслет вакцинированного: браслет-иммунитет. У Жени такого пока не было. Такой браслет выдавали только после второго компонента.

— Тебе доктор рассказал что-то про прививку?

Женя кивнула и передала то, что читала на плакатах:

— Алфа отклоет, бета успокоит.

— Да боже мой! Если окажется, что у тебя аллергия, тебе ведь «бету» не сделают. Ничто тебя не успокоит! И браслет не дадут. Молись, чтоб это была аллергия на яйца, на мармелад! Или на апельсиновый сок… Не пила сок сегодня? Нет?

Женя покачала головой. Неделю назад, после прививки, она потеряла сознание, и врач тогда даже не дала им с мамой сертификата; сказала, надо ждать, раз такая реакция, надо будет подойти через неделю и сдать анализы. Если Жене по какой-то причине нельзя делать второй компонент прививки, если он опасен для нее, то браслета ей и в самом деле не видать, как своих ушей.

— Полдела ты сделала, открылась. Но защиты, — фельдшер щелкнула ногтем по браслету, — от непривитой детворы у тебя нет! От твоих же товарищей. Что, помогла ты своему коту?

— Мне все лавно надо было бы плывываться, — пробормотала Женя. Язык совсем распух, говорить было неудобно. — Я хоту стат ветелыналом.

— Если прививать, так надо взрослых, а не детей. Я сейчас не знаю, куда тебя везти. Нам в аллергологии не дадут места.

Фельдшер смотрела на черно-белую дорогу, и Женя тоже отвернулась к окну.

Ничего она не понимает, эта врачиха, хоть и носит браслет-иммунитет. Женя знала: врачам и всем, кто работал с детьми, велено прививаться в обязательном порядке, иначе могут выгнать с работы. Но Женя думала: иногда вот даже привьются вторым, бета-компонентом, всё хорошо перенесут, браслет серебряный наденут… а не очень-то они становятся добрые! Они такие… не злые уж, конечно… но и не добрые. Что они чувствуют? Больно им, когда больно их друзьям? Что они чувствуют, когда их друзья плачут, когда у них из носа идет кровь?

Она осторожно поскребла пальцами горло и закрыла глаза. Ехать было еще долго.

Главный корпус Медгородка, прозванный автозаводчанами Башней, вырастал из высоких сугробов, верхушка его терялась в черном небе, с которого сыпался снег. Вокруг одноэтажного приемного покоя раскатали площадку колеса «скорых», но в остальном это было совершенно белое, безлюдное место. Казалось, больница находится за городом, в полях, или, может, вообще в другом мире.

— Пульмонология, — сказала фельдшер и подтолкнула Женю к вышедшей из лифта медсестре. Та сжала Женину ладонь пухлыми пальцами, зажала локтем медицинскую карту и документы.

Женю переодели в отдельном кабинете и привели в темную палату; здесь как будто вообще не было стен, палата расширялась во все стороны, в ночную бесконечность. Кровати были почти как в детском саду, только сделаны из железа.

Палата находилась на первом этаже больницы, но ощущение было такое, будто летишь в самолете, на чудовищной высоте, с каждой минутой все дальше и дальше от дома. Медсестра передала Женю кому-то высокому, похожему на огромную черную птицу. Лица того, кто ее вел, Женя не видела, только слышала шелест одежды, будто бы длинного плаща. Они тихонько двигались в проходах между кроватями, видны были пятна света на железных спинках, горки белых простыней (чьи-то коленки), темные впадины (ночь ютилась в детских постелях).

«Вот тут свободно. Ложись-ка».

Рука невесомо скользнула по Жениным волосам и исчезла.

Когда ложишься в чужую холодную постель, становишься совсем маленьким, исчезаешь в горках и впадинах.

Как ее найдет мама? Кто ей скажет, где Женю искать?

Больничное утро началось с завтрака. Потом Жене поставили капельницу в процедурной. Она лежала на жесткой кушетке за ширмой, пока другим детям делали уколы и смазывали воспаленные гланды раствором Люголя. Если кто-то начинал хныкать, Женю окатывала волна лихорадочной дрожи, горло перехватывало. Скоро она поняла, что, если плакать самой, становится немного легче.

В палате их оказалось пятеро: Вадик, Аня, Коля, Нелечка. Все младше Жени, детсадовцы. Тот первый день вспоминался потом как самый длинный день в ее жизни. Оказалось, неиз-

вестно, сколько Женя пробудет в больнице. Точных сроков никто назвать не мог: как пойдет лечение. Надо было справиться с возвращающимся отеком и точно установить его причину. Женин лечащий врач не поверил вклейке в медкарту, где размашистым почерком значилось: «Аллергия на Эмпавак?»

В другие палаты детям заходить запрещалось; из отделения выходить тоже было нельзя. Посещения — запрещены. Женя поняла: мама не сможет ее навещать, они увидятся только на выписке.

Стены в отделении были белые, от потолка к полу спускались плотные шторы. Никаких мишек, зайцев, мячиков на стенах. На всю палату была одна игрушка — синий пластиковый планшет, сбоку ручка — крутишь ее, и на белом экране появляется рисунок. Чтобы дождаться своей очереди, можно было сто раз умереть от скуки. Женя не жалела о прививке, но оказаться в больнице было все равно что попасть в тюрьму. Вместе с постовыми сестрами в отделении работали Сестры милосердия — девушки в черных платьях и сложных белых платках, похожих на развесивших крылья журавлей-оригами. Почему-то именно эти Сестры были самыми строгими. На просьбы или вопросы маленьких пациентов они отвечали всегда одинаково: прикладывали указательный палец к губам.

Прошел первый невыносимый день, а на следующее утро приехал Саша Лапин. Внешне он был совсем обычный: худенький, лохматый мальчишка, глаза ясные — только слишком уж испуганные. Родители догадались собрать ему одежду, так что Лапин один выглядел по-человечески, — спортивные штаны, белая майка, сланцы. А все остальные были как цыгане, кто в чем. И все пропахли больницей. А Лапин пах ягодной жвачкой.

Первый день он был зажатый, молчаливый. Лапин сразу увидел, что тут нет ничего для детей. Даже в поликлинике что-то есть обычно — буратины, неваляшки, чебурашки и пищалки — пускай только для малышей, и все же. Но здесь все было по-взрослому.

Лапин был Женин ровесник, загремел в больницу с воспалением легких. У пятилетней Анюты был какой-то запущенный, застарелый бронхит, она кашляла, как Женин дедушка-курильщик: по утрам кха-кха-кха, гммм-хр-р-к! Остальные тоже лечились от разнообразного ухо-горло-носа.

— А у тебя что болит? — спрашивала Женю Анютка, и та не знала, что ей ответить.

От ежеутренних встреч с капельницей у Жени поднималась температура, — дети так кричали и плакали в процедурной, что вздох замирал в горле. Ей давали лекарства, но они не слишком помогали. Как-то раз, еще перед тем, как войти в процедурную, кто-то из младших пожаловался, что у него вся попа синяя от уколов, и все развеселились, спрашивали друг у друга: у кого синее? — и даже от уколов плакали меньше обычного. Под смешки и детский бубнеж Женя уснула под капельницей, а, когда проснулась, поняла, что ее язык окончательно вернулся к нормальным размерам.

На следующий день, лежа на холодной твердой кушетке, Женя языком, живым и подвижным, рассказывала детям анекдоты, которые хорошо помнила по книжке, лежащей в туалете дома. Один просили пересказать снова и снова, и Женя, улыбаясь, повторяла:

— Звонит телефон, мужик поднимает трубку. Оттуда голос: «Это четыреста сорок четыре — сорок четыре — сорок четыре?» — «Да». — «Мужик, будь другом, позвони в скорую, у меня палец в телефоне застрял!»

Так во время процедур дети отвлекались, хихикали, а, если кто-то вдруг начинал реветь, то на общей волне старался поскорее утешиться, чтобы услышать очередной анекдот. Аллергическая щекотка оставила Женю, горло снова было самое обыкновенное, дышать стало свободно и легко.

Шел четвертый день бесконечной жизни в больнице, когда после завтрака к ней подошел Саша Лапин и тихо сказал:

— Давай поиграем?

И почему-то для нее это прозвучало как «Давай сбежим?»

Родители остались в другой стране, на бесконечно далеком берегу. Дети были одни. Дети превратились в пиратов. Палата номер 2 отпочковалась от больницы-тюрьмы, койки выстроились во флотилию и отплыли к Летним островам. Пираты договорились победить туземцев-людоедов и стать новыми правителями островов. Маршрут надо было проложить самим. Найти старые карты с отмеченными местами захоронения кладов, узнать волшебные условия поиска: зеленый луч, голос дикой птицы, навещающий Острова раз в пятьдесят лет — и тому подобные знаки. Этими придумками заведовал Лапин.

Больше всего дети боялись, что кто-то из Сестер войдет во время игры. Вмешается. В такие минуты корабли, идущие на Острова, превращались обратно в больничные койки — это было страшно, это напоминало детям, где они по-настоящему находятся. Нельзя было эту правду допускать. Пираты решили считать врачей злыми волшебниками. Черные Сестры превращаются в хищных, клювастых чаек, выведывают, куда двигаются корабли, доносят о них волшебникам и людоедам с островов.

Когда Лапину делали уколы антибиотика, пираты собирались на дальней койке и отворачивались к окну, тоскливо изучая двор, считая «скорые». После укола Лапин лежал молча, закрыв глаза, а Женя садилась рядом и рассказывала про говорящих попугайчиков, которые раньше жили у ее деда, про то, какие грибы можно есть, а какие нельзя — все, что могла вспомнить из обычной, небольничной жизни такого, что могло бы развлечь Лапина и младших. Из-за тускло-зеленых штор в палату светила заснеженная промзона, рассеченная ниткой серой дороги.

На пятый день плавания над кораблями замелькали пестрые крылья аистов, прилетевших с Летних островов. Это дети потом придумали, а так-то аисты — это были, конечно, пиратские родители. Так как посещения были запрещены, родители пришли тайком. Поздно-поздно вечером, когда было уже совсем темно. Их было много, и каждый засунул клюв в окно, каждый посмотрел на своего ребенка. Лапин распахнул форточку, чтобы все могли послушать родительские голоса. Маленькая Анютка ревела. Женя крикнула в форточку, что все в порядке, что пираты не сдаются! И тут один из родителей захлопал крыльями и стал что-то заталкивать в окно. Женя растерялась. Но Лапин отодвинул ее руки — все уже топтались прямо по койке, как птенцы в гнезде, — и принял из форточки литровую банку. Она была еще теплая. А внутри были домашние пельмени. Потом в форточку протиснулся шуршащий пакет с конфетами. Женя забыла о том, что она старшая и липла к форточке — ее мама тоже была там! — и ледяной, — 25-тиградусный воздух облизывал ее лицо.

Пельмени дети съели совершенно тайно, поделив их, а банку спрятали под кроватью. Конфеты решено было есть после обеда, держать их в секрете, использовать как лекарство от темного колдовства чаек.

К концу второй недели выписали всех, кроме Жени, Лапина и маленькой Анютки. Матросы потеряли веру. Они уже не хотели плыть к островам. Теперь они подслушивали врачей, по очереди дежурили у сестринского поста, кормились слухами. И это было в сто раз мучительнее, чем сражаться с воображаемыми людоедами.

В ночь Нового года в палату должен был заглянуть дед Мороз, но мучительно долго торчал в ординаторской и дети, в конце концов, перестали ждать. Около восьми вечера зашла Сестра милосердия и все вместе они вспомнили детсадовские стихи-мнемоники:

«Совесть — наш пропуск в мир безопасный, Ссориться — грех, быть добрым — прекрасно!»

Когда Сестра вышла, бывшие пираты решили играть в прятки.

Женя сунула за щеку витую пулю «Гусиных лапок», легла на живот на койке у окна, накрыла голову подушкой и стала считать до тридцати. В палате, которую дети облазали уже тысячу раз, по-настоящему спрятаться было невозможно. Когда Женя сняла подушку с головы,

конфета во рту уже раскололась, и от сладости щипало язык. Оглядевшись, она быстро вычислила Лапина — его полосатые носки торчали из-под шторы. Оставалась маленькая Анюта.

Женя заглянула под кровати, за тумбочку умывальника в углу — самое козырное для пряток место, — смотрела и за шторами, но Анютки не было нигде. Женя даже подергала ручку окна: хорошо, плотно закрыто. Неужели Анютка вышла из палаты? Женю обдало ледяной волной.

Даже в туалет они ходили, предварительно выглядывая в коридор и крича в сторону поста: «А можно выйти?» Этим утром Лапин не утерпел и выскочил без разрешения, его поймали в коридоре. Сестра милосердия с сонными голубыми глазами, крепко стиснув его запястье, проводила Лапина в туалет, потом, не отпуская руки, возвратила его обратно в палату и голосом, похожим на забытый в холодильнике мармелад, сказала, что, если Саша не будет слушаться, он никогда не выздоровеет. Женя слышала, как Лапин просит прощения, и за ребрами неприятно тянуло.

А потом они ждали, не зная, как поступить. Как искать Анютку, если из палаты выходить запрещено? Лапин был белый, как стены, как шторы и простыни.

Когда Женя все же набралась смелости и выглянула в коридор, то столкнулась с румяным, пахнущим шпротами Дедом Морозом, очень похожим на главврача. Из карманов халата он доставал мандарины, шоколадные яйца в фиолетовой фольге, вафли в клубнично-розовой обертке. Когда ему сказали об Анютке, он буркнул в синтетические завитки бороды:

— Ай, сорванцы! Вы же знаете — нельзя выходить из палаты! Ай, сорванцы, ай…

И ушел искать Анютку.

Женя с Лапиным слушали, как его шлепанцы щелкают по линолеуму. Решили ждать; сидели на койке у окна, глядя, как темнота сгущается над снегом. В половину одиннадцатого зашла Сестра в черном шуршащем платье. Она тоже выслушала историю о прятках и исчезнувшей Анютке и, приложив палец к губам, вышла из палаты.

«Они ее найдут? — спрашивал Лапин, и сам себе отвечал: — Они ее найдут, они ее найдут».

Женя забралась на койку с ногами и смотрела на большое окошко вентиляции, прикрытое пыльной решеткой, на металлическую створку бельевого лифта в дальнем углу палаты, на входную дверь. Горло чесалось.

Не вытерпев, Женя снова выглянула в коридор, — никого; длинный коридор пуст, гудят тусклые лампы. Она вернулась в палату, подошла к бельевому лифту, сдвинула створку. И тоже внутри — наткнулась на звонкую пустоту, на мрачный холодок. Могла бы Анютка туда залезть? Или нет?

— Аня-а, — тихо позвала Женя, чтобы не услышали Сестры. — Аню-та!

Ей никто не ответил.

До утра Женя с Лапиным просидели на койке, прижавшись спинами к холодному подлокотнику. Когда ждать становилось невыносимо, отвлекали друг друга историями. Женя рассказывала про хомяка, который сбежал из Красного уголка в их классе, а потом нашелся. Лапин вспоминал про дачу на Васильевских озерах. Как он с отцом плавает наперегонки. Женя плавать не умела, и Лапин сказал, что, когда наступит лето, они с Женей поедут к нему на дачу вместе. Он научит ее плавать. А то играют в пиратов, а она даже плавать не умеет.

В десять утра в палату вошла Сестра милосердия и велела Жене одеваться: ее выписывают, ее ждет мама. Радость была такой неожиданной, что подействовала как паралич; Женя поспешно натянула колготки, нырнула в байковое платье, которое подала ей Сестра. Саша Лапин спал на застеленной койке, отвернувшись к окну. Женя не стала его будить. Об Анюте не спросила, не узнала, искали ли ее медсестры в других палатах; не поцеловала на прощание ее милую голову, ее лицо со смешными густыми бровками. И Лапину не сказала: мол, не забудь, летом на даче, ты и я!

Было первое января.

Женина мама что-то подписала у сонной старшей сестры, забрала справки и выписки, схватила дочь за руку и грубо, как милиционер, вытащила ее из отделения на лестничную клетку.

— Аллергия! — мамины руки дрожали. — Все-таки аллергия! Держали нас тут! Обормоты…

— На супрастин?

— На «совесть», то есть, на Эмпавак, зайка, — мама хмурилась, — какой еще супрастин?

Она переодевала Женю прямо на ступеньках черной лестницы, страшно торопилась. Женя видела, как блестят мамины глаза, и не обижалась, что мама ее так хватает. Смотрела на кудрявые, мокрые от растаявшего снега русые кудри и шептала:

— Мама, мамулечка.

Было ясно: мать торопится от страха: вдруг ей Женю не отдадут! Или вдруг сейчас выйдет врач и скажет, что выписал Женю по ошибке?

Уже потом, много после, воспоминания о мальчишке с родинкой возвращались приятным трепетом в груди, а о маленькой девочке, исчезнувшей из закрытой палаты — ощущением ваты, прилипшей изнутри к гортани, учащающимся сердцебиением.

— Мама, позвони в больницу, спроси, — нашли мою подругу Аню? — просила Женя, и мать, наконец, сдалась, сказала, что звонила в Медгородок и все узнала: всех, с кем Женя была в палате, давно выписали.

Весной они пришли в поликлинику, за справкой для летнего лагеря. Лапин сидел в закутке у кабинета педиатра, ждал своей очереди. Женя сразу его узнала. Он сидел рядом со своей мамой, низко наклонив голову, что-то в руках у него было… мохнатый игрушечный паук-попрыгунчик.

— Мама, — Женя потянула мать за руку, чтобы та остановилась, — это мой друг! Из больницы, помнишь, я рассказывала?

Мама не помнила.

— Я подойду?

Мать отпустила ее, и Женя, вся внутри сжавшись от страха и предвкушения радости, шагнула к закутку. Ее сандалии так шаркали о плитки пола, что Лапин поднял голову. Внимательно посмотрел на Женю, вдруг такой весь длинный, взрослый. Посмотрел — и спокойно отвел взгляд. Его мама подняла брови: что это, девочка без очереди зайти хочет? — а Женя приросла подошвами к плиточному полу.

Не узнал. Не узнал, не узнал, не узнал!

Пока шли с мамой по узкому коридору, стыд горячим языком облизывал Женино сердце. Она объяснила маме:

— Обозналась.

Горло перехватывало, по коже бегали опасные щекотные мурашки.

— Ты, зайка, не огорчайся сильно, — мать успокаивающе теребила ее пальцы. — Ну его, этот лагерь. Только вшей привезла бы, да? Мы летом на море поедем.

Небо над улицей было высоченное, летнее. Двор поликлиники тонул в тени, но вокруг день уже совсем разогрелся. Слезы накипали, лезли из Жени через нос, и вовсе не из-за дурацкого лагеря, куда ее не могли взять из-за половинчатой прививки. Мать шагала к магазину «Лакомка», задрав подбородок, смаргивая слезы. Женя сопела рядом, тоже не хотела выпустить ни одной жгучей слезы.

Надо как-то бороться с этой аллергией! Этой «гиперчувствительностью»! Педиатр подтвердила: второго компонента ей не видать, Женин организм с ним не справится. Так что — надо самой, — думала Женя. Сколько еще будет горя в жизни! Как бы дед сказал? Сказал бы,

что лето — это же самое хорошее время. Это самое удачное время для тех, у кого все еще впереди…

Теперь, снова оказавшись в своей старой 24-й школе, Женя буравила взглядом спину Саши Лапина, ревниво следя, как он что-то говорит другу, как машет высокой однокласснице в желтом плаще, появившейся у входа в фойе. Девочка была одета в костюм «осени», к ее складчатому плащу были приколоты красные и золотые листья из блестящего фетра.

— Ну-ка, дай примерю! — Лапин подскочил к девчонке, стянул плащ с ее плеч и накинул на свои. — Я бы себе отдался!

Женя поняла: он не узнал ее снова. Не просто не узнал, а не узнал опять, как если бы сделал это специально, желая уничтожить ее на месте.

Но, значит, надо — опять — справляться. Надо как-то справляться, самой. Такой уж это человек, Саша Лапин… Такой странный, страшный человек. Который напрочь забыл детские приключения, забыл ее, как если бы солдат забыл друга, с которым прошел огонь, медные трубы. И которого ей забыть — годы спустя! — все никак не удается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.